

ОТКЛИКИ ЖИЗНИ

Издавiе Группы
Социалистовъ-Революционеровъ
(Выходитъ два раза въ мѣсяцѣ)

Адресъ Редакции:
Redaction de «L'Echo de la Vie»
19, rue Daguerre, Paris.

ГОРЕ - ЮБИЛЕЙ

Десять лѣтъ существованiя россiйскаго „парламента“ — Думы „народныхъ надеждъ“, Думы „народнаго гнѣва“, Думы послушныхъ исполнителей начальственныхъ предписавiй, Думы... гнѣвнаго безсилiя.

Десять лѣтъ фальсификаци народнаго представительства, — то нарочито обдуманной, то злостно преступной, то долькотетски возвышенной, то по маниловски смѣшной и глупой.

Десять лѣтъ бесплоднаго толченiя воды въ ступѣ при неизмѣнномъ лозунгѣ „беречь“... пустое, а зачастую просто скверное, зловредное мѣсто: пустое — поскольку органическое творчество новыхъ формъ общественнаго и политическаго бытiя въ немъ замѣнилось законодательною „вермишелью“, и скверное — въ мѣру санкци предательскихъ мѣропрiятiй, вродѣ позорной памяти „закона 9-го ноября“.

Поистинѣ скорбный горе-юбилей!

* * *

„Что же сдѣлали эти десять лѣтъ въ жизни народа“: — спрашиваетъ газ. *Речь*. И отвѣчаетъ — твердо, безъ запинки, какъ выученный наизубокъ урокъ:

„Безошибочно можно сказать, что конституцiонная идея за это время безповоротно вошла въ общенародное сознание“.

Блаженъ, кто вѣруетъ или хотя бы вѣрить, что вѣруетъ. Мы склонны думать иначе и полагаемъ, что „конституцiонная идея“ за это время *старательно и систематически дискредитировалась* въ „общенародномъ сознании“. Были надежды — онѣ быстро разсѣялись, какъ дымъ.

На смѣну имъ пришелъ „гнѣвъ“; но и онъ оказался лишь словеснымъ, ибо за нимъ не чувствовалось силы — силы сломить упорство власти, стать на путь подлинной борьбы за неоглажное, правое дѣло. Тогда пришелъ чередъ благонамѣренныхъ, „работоспособныхъ“, послушныхъ избранниковъ... правительства.

А въ „общенародномъ сознании“ воцарилось прочное недовѣрiе къ „конституцiонной идеѣ“, столь возлюбленной нашими тряпичнымъ, фатально безпочвеннымъ либерализмомъ.

Нѣтъ, не ко двору и не ко времени сейчасъ лживыя фантази: не Дума способствовала вѣдренiю и упроченiю идеи народнаго представительства въ сознании трудового населенiя Россiи, а какъ разъ наоборотъ: идея народовластиа, рожденная въ умахъ лучшихъ сыновъ Россiи, взрожденная вѣковой борьбой и вознесенная на гребень революцiонной волны, разбившейся о громады полуразрушенныхъ стѣнъ Иерихона, нашла свое жалкое, уродливое воплощенiе въ Государственной Думѣ. И это мѣртворожденное дѣтище неудавшейся революцiи, этотъ — говоря словами деп. Шангарева — „хилый и кривой цѣтокъ“, росшiй цѣлыхъ десять лѣтъ „безъ воздуха и свѣта“, не въ силахъ заморозить или хотя бы только приковать къ себѣ серьезное внимание „общенароднаго сознаниа“. Конечно, русскiй обыватель — щедринскiй

„пестрый человекъ“ съ „пестрою душой“ — сроднился съ Думой: „Зачѣмъ вы разошлись? — наивно и пугливо вопрошаетъ онъ знакомаго депутата. При васъ намъ спокойнѣе. Безъ васъ мы задыхаемся“. Но отношенiе къ ней трудовой Россiи нельзя охарактеризовать даже словами поэта:

Была безъ радости любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Ибо нѣтъ тутъ не только радости, но и безрадостной любви, а есть лишь *равнодушие*, — которое минутами оттаиваетъ подъ напоромъ обывательскихъ мечтаний и подъ гипнозомъ трезвенныхъ рѣчей „реальныхъ политиковъ“.

Въ итогѣ же — хоть пропадомъ пропадай эта никчемная, болтливая, сильная своимъ безсилiемъ Дума“...

* * *

„Россiя безъ Думы стала больше не мыслима“ — сказалъ какъ-то П. Н. Милюковъ.

О, нѣтъ: безъ Думы, „гнѣвшей на корню“, сотрудничавшей съ властью, терпимой лишь по столыку, по скольку она „не мѣшала“ правительству и прикрывала именемъ своимъ всѣ его авантюры и безчинства — безъ *такой* Думы Россiя не только „мыслима“, но и желательна. Это начинаютъ понимать даже обыватели, во всякомъ случаѣ навболѣе прорзорливые изъ нихъ.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей и идеологовъ обывательщины, Дорошевичъ, недавно посвятилъ Думѣ юбилейный фельетонъ, весь пересыпанный колючими словечками по адресу россiйскаго парламента. Обыватель, конечно, упивается острословiемъ любимаго фельетониста, не замѣчая даже, что тѣмъ самымъ онъ подписываетъ смертный приговоръ своимъ же собственнымъ фантазиамъ.

„Она существуетъ десять лѣтъ. Пора, наконецъ, рѣшить: что-же такое Государственная Дума?“ говоритъ Дорошевичъ. И рѣшаетъ.

Дума это — „штемпелевальная машина“, которая кричитъ, вошегъ, критикуетъ и... подписываетъ „незаконные законы“: „крестить и благословляетъ“ ихъ.

Дума — это „тюремный дворикъ“, ежели, говоря словами Гамлета: „Вся Данiя тюрьма“, — „тюремный дворикъ, на которомъ дышать вольнымъ воздухомъ... могутъ гулять, дышать и говорить“.

Дума это — „большая политическая газета... Пользы отъ газеты не много: вѣдь не мѣняютъ же жизнь по газетнымъ статьямъ! Но удовольствiя читателю масса: все такъ прохватываютъ!“

„Отъ Думы ничего не станется!.. Дайте большую политическую газету, которая свободно могла бы говорить обо всемъ, — никто не замѣтитъ отсутствiя Думы. Такой Думы!“*)

*) „Русское Слово“ № 96.

Мы знаем Хорошо пѣну и обывательскому оптимизму и обывател. пессимизму: размахъ и того и другого—вершковый, не больше. И обыватель нашихъ дней — даже исключительный, отмѣченный печатью талантливой прозорливости—охотно примирился бы даже на „штемпелеваловой машинѣ“, еслибъ она „подписывала“ законы законные, т. е. предложенные „министерствомъ общественнаго довѣрія“: по нынѣшнимъ временамъ и это вѣдь радужныя desiderata. Но все же обывательскій пессимизмъ, такъ колоритно сказавшійся въ веселомъ фельетонѣ Дорошевича, чрезвычайно показателенъ: Дума ужь не гниеть, а сгнила окончательно. Да и не мудрено: десять лѣтъ гніенія—шутка-ли сказать!..

* * *

Доктринеры и политики російскаго чекана этого, разумѣется, не признаютъ, не могутъ, не въ силахъ признать. Ибо кому, въ самомъ дѣлѣ, охота собственными руками надѣть на себя петлю и уйти — да еще съ позоромъ — со сцены? И вотъ они продолжаютъ упорно твердить старое, заплесневѣлое, изжитое.

„Въ лицѣ четвертой Госуд. Думы, такъ неудачно задуманной, такъ испорченной по составу въ самомъ зародышѣ, русское народное представительство — пишетъ Милуковъ — завоевало себѣ окончательно довѣріе населенія и приобрѣло тѣмъ твердую почву для дальнѣйшаго существованія, свободного отъ всякихъ случайныхъ экспериментовъ“.

Quel toupet! — сказалъ бы даже изысканно деликатный въ выраженіи чувствъ своихъ французъ, прочитавши эту спокойно-безстыдную тираду.

Говорить о какой-то „твердой почвѣ“, объ „окончательномъ довѣріи населенія“ послѣ полнѣйшаго фіаско всѣхъ благихъ начинаній прогрессивнаго блока. послѣ провала всѣхъ попытокъ его примазаться къ власти хотя бы въ качествѣ членовъ „министерства общественнаго довѣрія“, послѣ публичнаго признанія въ своемъ безсиліи бороться съ темными силами Россіи, послѣ отчаянныхъ попытокъ хватиться хоть за что никуда въ той пустотѣ, которая образовалась вокругъ Госуд. Думы — это такое политическое фавфарочество, дальше котораго, казалось бы, ужь некуда идти. Но Милуковъ — этотъ „истинно государственный человекъ“, которому все „божья роса“ — пошелъ и дальше.

Онъ переплылъ океанъ, пріѣхалъ въ дружественную страну и принялся повторять здѣсь съ такою же, какъ и у себя на родинѣ... твердостью свое „политическое credo“.

Правда, credo это поражаетъ своею „extreme modestie“ даже людей нетребовательныхъ и весьма беззаботныхъ по части нашей внутренней политики. Но они, эти знатные иностранцы, очевидно, не знаютъ, что у насъ „скромность“ — обычная добродѣтель, украшающая тѣхъ „политиковъ“, которые чувствуютъ подъ собою „твердую почву“, завоевали „окончательное довѣріе населенія“ и ставятъ своею цѣлью „спасти“ Россію.

Впрочемъ, надо думать, что глава нашего отечественнаго либерализма былъ очень сдержанъ — по крайней мѣрѣ по вопросамъ внутренней политики — въ разговорахъ съ иностранными коллегами. Иначе имъ пришлось бы, навѣрное, услышать, что тамъ, въ самой Россіи, „скромность“ Милуковыхъ идетъ много дальше: что тамъ они мечтаютъ сейчасъ лишь объ одномъ — какъ бы иго Распутина замѣнить игомъ другого, не столь распутнаго чревоѣщателя...

* * *

Итакъ:

Мимо! Мимо пустого мѣста, именуемаго Государственной Думой!

Но какъ же быть безъ Думы? Вѣдь „съ нею намъ спокойноѣ“? Вѣдь „безъ нея мы задыхаемся“? Да, задыхаемся: и съ нею и безъ нея — въ равной мѣрѣ. А приносимое ею „спокойствіе“ есть просто иллюзія, самообманъ — при томъ тлѣтворный, развращающій, преступный самообманъ. Даже обыватель — въ лицѣ своего идеолога — призналъ это, назвавши Думу „большою политической газетой“ — чѣмъ то вродѣ „новременскаго парламента мпѣній“ или, въ лучшемъ случаѣ, „Всероссійской Пѣнокснимательницы“.

Не „пѣнокснимательница“ нужна Россіи, а рожденная въ бурю и грозу Конституанта. Она нужна была всегда. Сугубо нужна сейчасъ. Въ ней — и только въ ней наше выздоровленіе. Безъ нея дѣйствительно „вемыслима Россія“. Будетъ она — будетъ и коренное обновленіе. Не будетъ — останется по-прежнему „гніеніе на корню“. — Третьяго выхода нѣтъ...

В. Дикій

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ „ОТЕЧЕСТВѢ“ И ЕГО „ЗАЩИТѢ“

(СТАТЬЯ ДИСКУССИОННАЯ)

Мы переживаемъ сейчасъ эпоху великаго обособленія — каждый ушелъ въ скорлупу своей идеи и, какъ Фаусовъ, закрывши уши, на всякія возраженія знаетъ для своихъ противниковъ лишь одинъ отвѣтъ: — „подъ судъ! подъ судъ!“ „Со стороны получается впечатлѣніе настоящаго Бедлама, сумасшедшаго дома, въ которомъ каждый чувствуетъ себя Фердинандомъ VIII, королемъ испанскимъ, и удивляется, раздражается или даже возмущается видя, что его сосѣди съ такою же увѣренностью и торжественностью заявляютъ претензіи на испанскій престолъ“, „на единственный испанскій престолъ — истину“. (Л. Шестовъ).

Происходитъ это потому, что „идея вдругъ надаетъ у насъ на человѣка, какъ огромный камень, и придавливаетъ его на половину — и вотъ онъ подъ нимъ корчится, а освободиться не можетъ“ (Достоевскій, X, 197). Не заявляя претензій на единый престолъ всеобъемлющей истины, попробуемъ приподнять тяжелый камень идеи „отечества“, тяжелый камень, ставшій для многихъ камнемъ надгробнымъ.

Война особенно остро поставила передъ социалистами вопросъ о взаимоотношеніи „національнаго“ и „интернаціональнаго“ или, какъ говорятъ теперь — „отечества“ и „человѣчества“.

Двѣ крайнія теоріи налѣчаются особенно ясно.

Одна изъ нихъ склонна принести интересы національныхъ единицъ въ жертву интересамъ Интернаціональнаго цѣлага. „Національныя цѣнности“ она подчиняетъ „болѣе устойчивымъ, широкимъ и яснымъ“ принципамъ — классовымъ, интернаціональнымъ и общечеловѣческимъ.

Другіе впадаютъ въ противоположную крайность. Они, по выраженію Пѣшехова, „увлеченные мыслью объ „отечествѣ“ совсѣмъ почти забыли про „человѣчество“, „скатились до націонализма и завязли въ этой трясинѣ“.

Гораздо менѣе популярно теченіе, къ которому одинаково враждебно относятся защитники и „отечества“ и „человѣчества“. Странники этого теченія стараются „остаться

на гребнѣ“, и въ высшемъ синтезѣ примирить понятія интернаціональнаго и національнаго. Храня самые дорогіе завѣты народничества, ставя во главу угла человѣческаго общежитія свободное, всестороннее и справедливое развитіе реальной личности, теченіе это, конечно, признаетъ законность національных особенностей и привязанностей, поскольку послѣднія не посягаютъ на чужія такія же особенности и привязанности; но кромѣ этихъ цѣнностей существуютъ для него не менѣе важныя цѣнности — общечеловѣческія, классовыя, интернаціональныя.

Подобно тому, какъ народничество Михайловскаго старалось въ высшемъ синтезѣ объединить интересы личности и общества, старается это теченіе объединить интересы „отечества“ и „человѣчества“.

Подобно тому, какъ общество не есть, конечно, *лишь* сумма личностей, и интернаціональное цѣлое не есть только сумма національныхъ единицъ. „Человѣчество“, какъ и общество имѣетъ свои законы, свои особые пути и цѣли, отличные отъ цѣлей и путей составляющихъ его частей. Но какъ не можемъ мы себѣ представить общество безъ составляющихъ его личностей, точно такъ же не представляемъ мы себѣ интернаціональное цѣлое безъ отдѣльныхъ входящихъ въ него націй. Не однообразной и химически однородной массой рисуется сторонникамъ этого теченія грядущее чество, а тѣснымъ и братскимъ союзомъ свободныхъ національныхъ группъ.

Среди немногихъ попытокъ стать на эту точку зрѣнія кажется мнѣ наиболѣе интересной попытка Пѣшехонова. Нужно признаться, однако, что Пѣшеховъ абсолютно не справился съ трудной задачей, онъ не могъ удержаться „на гребнѣ“ и застылъ „на обрывистомъ склонѣ, въ уродливой позѣ“.

И понятно почему: Пѣшеховъ, равно какъ и другіе авторы, говоря объ „отечествѣ“ не даетъ новыхъ опредѣлений этого понятія. Онъ какъ бы полагаетъ его общепонятнымъ и общезвѣстнымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—кто, казалось бы, не знаетъ что такое отечество?—Однако, ни одно изъ понятій не вызываетъ такой путаницы.

Не пересмотрѣвъ его, невозможно и приступать къ рѣшенію сложнаго и труднаго вопроса о синтезѣ „отечества“ и „человѣчества“.

Что же такое „отечество“? Что такое „защита отечества“? „Защита отечества“ невозможна внѣ *существовавшихъ, существующихъ или грядущихъ* культурно-политическихъ организованныхъ единицъ, которыя въ вульгарномъ сознаніи и отождествляются съ „отечествомъ“. Что же представляютъ изъ себя эти единицы-государства?

Многовѣковая теорія, благополучно докатившаяся и до нашихъ дней, видѣла въ государствѣ самостоятельное, независимое, „суверенное“ юридическое лицо, надѣленное неограниченною властью и подчиняющее своей самодержавной волѣ—волю, жизнь и имущество гражданъ. Для фикціи „общественнаго блага“ государство можетъ потребовать отъ гражданина жертвъ жизнью, оно можетъ противъ его воли заставить его нести опредѣленные повинности, оно можетъ подвергнуть реквизиціи его имущество.

Въ другихъ формахъ, въ другихъ выраженіяхъ, проявляется и въ теоріяхъ современныхъ государствѣдовъ все то же „мистическое лицо“ античнаго государства *).

*) Публицистъ 16-го столѣтія Боденъ писалъ: „Суверенитетъ—это власть неограниченная и вѣчная“ („Les six livres de la République“, Paris, 1576, liv. I ch. IV, p. 125). То же самое и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ повто-

Противъ этой теоріи поглощающей личность и ослѣпляющей ее ореоломъ „общаго блага“ ведется давнишняя борьба: особенно ярко она окрасила писанія юристовъ молодой французской школы.

Для нихъ—„государство есть ни что иное, какъ результатъ дифференціаціи между слабыми и сильными произошедшей въ данномъ обществѣ подъ влияніемъ очень различныхъ и измѣняющихся причинъ, и въ очень различныхъ и измѣняющихся формахъ“ *). Пусть назовутъ государствомъ челоѣческое общество основавшееся на извѣстной территоріи и въ которомъ болѣе сильныя навязываютъ свою волю болѣе слабымъ—ничего не имѣемъ противъ. Пусть назовутъ политическимъ суверенитетомъ эту власть болѣе сильныхъ надъ слабыми—прикладываемъ руку. Но идти дальше — это значитъ вступать въ область гипотезъ (Léon Duguit „l'Etat, le droit objectif et la loi positive“, t. II „l'Etat, les gouvernements et les agents“, Paris, 1903; p. 9). „То, что называется политической властью, является лишь *фактической властью*, продуктомъ естественной эволюціи общества, которую нельзя объявлять законной въ силу ея происхождения“.

Для оправданія силы власти придумано много красивыхъ теорій — изъ нихъ лишь „демократическая“ теорія „національной воли“, „общественнаго договора“ заслуживаетъ вниманія. Представители новыхъ теорій возражаютъ ей, что „національная воля“ всегда есть лишь воля большинства, и что это большинство, какъ бы многочисленно оно ни было не имѣетъ *права* навязывать свою волю, какъ таковую, членамъ меньшинства; „потому что ни одинъ челоѣкъ *не имѣетъ права* приказывать другому челоѣку, потому что даже *всѣ кромѣ одного* не имѣютъ права приказывать этому одному“ **). Власть—это „*фактъ*“, она основана на силѣ (пусть эта сила является необходимостью—все же она лишь сила!), но, во всякомъ случаѣ, на не имѣетъ подъ собой никакихъ правовыхъ основаній.

Государство—это не полновластное и освященное правомъ юридическое лицо, а лишь одно изъ звеньевъ въ цѣпи другихъ челоѣческихъ группировокъ; поэтому внѣгосударственные и внутргосударственные группировки (національныя, классовыя и др.) имѣютъ то же право на существованіе, что и государство, которое является среди нихъ силою юридически равной или, во всякомъ случаѣ, лишь первой среди равныхъ ***).

Такое признаніе самостоятельности внѣгосударственныхъ образований намѣчаетъ путь для устраненія вѣчной коллизіи между отечествомъ-націей и отечествомъ-государствомъ. Но этому сложному вопросу посвящена будетъ особая статья, сейчасъ же я коснусь лишь тѣхъ необходимыхъ логическихъ выводовъ, которые непосредственно вытекаютъ изъ намѣченной выше теоріи государства.

Прежде всего, еще разъ стѣснчу, что главная задача этой теоріи—отнять у силы ея самое опасное основаніе — освященный традиціей и теоріей ореолъ святости и права.

рняютъ Гуго Гроціи („Le droit de la guerre et de la paix“ (trad. Barbeyrac) Bâle, 1746, l. I ch. III, § VII) и... современный нѣмецкій юристъ Laband („Le droit public de l'Empire Allemand“, Paris, 1900, p. 109-10). Только для Боденовъ — король былъ государствомъ, а для Лабандовъ—государство стало королемъ.

*) Л. Дюги „Конституціонное право“; предисловіе автора къ русскому изданію.

**) См. Duguit, op. cit. p. 424.

***) Ср. Duguit, op. cit. p. 231-2.

Argumentum baculinum, аргументъ палки, самый внушительный, конечно, но и самый необъяснительный. Онъ необходимъ, безъ него не можетъ существовать общество, безъ него анархія, развалъ; но — главное — нужно помнить, что онъ не законъ основоположенный, что онъ лишь печальная необходимость, и потому прибѣгать къ нему нужно возможно осторожно, возможно рѣже, помня, что онъ лишь послѣднее средство, за немѣнѣемъ другихъ. Въ такомъ же вопросѣ, какъ защита государства нужно быть особенно осторожнымъ въ примѣненіи насильственныхъ способовъ „убѣжденія“. Нужно дать возможность проявиться силамъ ограничивающимъ безпредѣльность государственной власти — законнымъ и неоспоримымъ классовымъ, національнымъ и общечеловѣческимъ интересамъ.

Новая теорія государства такимъ обр. переноситъ совѣтъ въ другую плоскость вопросъ о его защитѣ: рѣчь можетъ идти лишь о *правѣ* защищать государство, но отнюдь не об *обязанности* дѣлать это.

Такая постановка вопроса лишаетъ почвы мнѣніе принимавшее казалось „неизбѣжный и единственно рациональный практический выводъ — требованіе „демократизаціи арміи“, требованіе народной милиціи, какъ „защитнаго аппарата“.

Она приводитъ насъ къ тому способу государственной обороны, отъ котораго отказывается теперь Англія, увлеченная волной империализма — къ волонтерству. Конечно, и волонтерство не самый совершенный способъ; конечно, волонтерство можетъ превратиться въ профессию, и будущаго волонтера (а можетъ быть, отчасти, и нынѣшняго) съ такимъ же правомъ можно будетъ назвать „свободнымъ солдатомъ“, какъ современнаго рабочаго — „вольнорабочимъ“.

Конечно, все это такъ! Но это ничего не доказываетъ!

Вѣдь зная рабочую неволю, видя фабричную и земельную кабалу, мы все же не жалѣемъ ни о крѣпостничествѣ, ни о рабствѣ; предвидя возможное превращеніе волонтерства, мы не имѣемъ никакого основанія возвращаться къ мечтамъ о милиціи — этому демократическому рабству, демократическому деспотизму, который такъ же недопустимъ, какъ и всякій иной деспотизмъ.

Абрамовъ

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ И ВОЙНА

— —
ПЕРСІЯ

IV

Подъ шумокъ освободительной войны произведенъ фактический раздѣлъ Персіи. Въ принципѣ раздѣлъ ея рѣшенъ уже давно англо-русскимъ соглашеніемъ 1906 г., но проведенію его на дѣлѣ мѣшало существованіе преусловутаго европейскаго равновѣсія.

Германія считала необходимымъ для соблюденія своихъ „законныхъ интересовъ“ сохранить хотя бы призракъ персидской независимости. Пока былъ миръ, сохранялся и этотъ призракъ.

Война же разсѣяла его и опрокинула, какъ совершенно ненужные, принципъ европейскаго равновѣсія и право каждой изъ великихъ державъ охранять свои „интересы“: „законными“ стали признаваться „интересы“ и аппетиты лишь свои собственные и своихъ союзниковъ. На Ближнемъ Востоку сила оказалась на сторонѣ четвертаго соглашенія, а потому и стало возможнымъ фактический раздѣлъ Персіи между

Англіей и Россіей, которая не преминула занять часть, предоставленную ей договоромъ 1907 г. Любопытно отмѣтить, что русская оккупация остановилась какъ разъ на границѣ, установленной англо-русскимъ соглашеніемъ, что дало возможность русскому правительству подчеркнуть свою роль въ исполненіи своихъ международныхъ обязательствъ, когда договоры не являются просто „chiffons de papier“: „Мы же, не въ примѣръ инымъ-прочимъ, кушаемъ только то, что намъ положено, и на чужой каравай рта не разѣваемъ“.

Какъ же относится Персія къ совершившемуся факту ея раздѣла? Всѣмъ памятна недавняя политическая борьба, происходившая въ ней: населеніе крупныхъ торговыхъ городовъ (Тавризь, Рештъ), областей, вошедшихъ въ среду современныхъ капиталистическихъ отношеній (большая часть южнаго каспійскаго побережья), отдѣльные, полунезависимые кланы и племена (бахтіары), — одни, недовольные господствомъ туркменской династіи Каджаровъ и преобладаніемъ тюркскихъ элементовъ въ правительствѣ, другіе неурядицей феодально-неограниченнаго строя возстали противъ Магъметъ-Али шаха и его клики.

Возстаніе было успѣшно, правительство свергнуто, шахъ бѣжалъ, и конституціонный режимъ былъ установленъ. Какъ слѣдовало ожидать, свергнутый шахъ первымъ дѣломъ сталъ искать поддержки извнѣ и, конечно, прежде всего тамъ, гдѣ и подобаетъ искать ее прогнанному народомъ монарху — въ конституціонной Россіи; тѣмъ болѣе, что по наущенію правительства послѣдней, онъ попытался уничтожить конституцію, данную Персіи его отцомъ.

Эта-то попытка и стоила ему престола. Россія не могла прямо вмѣшаться во внутренніе дѣла Персіи — этому мѣшало все то же преусловутое европейское равновѣсіе; пришлось помогать косвеннымъ образомъ.

Несмотря однако на поддержку русскаго правительства, попытка свергнутаго шаха возстановить свою власть потерпѣла полное фіаско.

Конституціоналисты вышли побѣдителями, и русскому вліянію былъ нанесенъ серьезный ударъ.

Однако русское правительство вовсе не теряло надежды получить, въ концѣ концовъ, возможность активно вмѣшаться въ дѣла Персіи и оказывать на нихъ желаемое воздѣйствіе. Случай не замедлилъ представиться: сейчасъ же послѣ побѣды, въ лагерѣ конституціоналистовъ намѣтилось два теченія: одно демократическо-національное, представители котораго мечтали при посредствѣ глубокихъ социальныхъ и политическихъ реформъ вызвать къ активности инертныя народныя массы и воскресить при ихъ содѣйствіи былую славу и процвѣтаніе Ирана. Другое — умѣренно-конституціонное, не задававшееся столь высокими цѣлями, а преслѣдовавшее цѣли „реальной политики“. Представителями этого послѣдняго являлись главнымъ образомъ крупные земельные собственники, во главѣ съ принцемъ Саларъ-Сенахъ-Асадомъ, среди которыхъ было не мало людей съ высшимъ заграничнымъ образованіемъ.

Неограниченный шахскій произволъ и феодальная анархія Персіи — были для нихъ невыносимы. Въ конституціонномъ же режимѣ они видѣли гарантію правовыхъ отношеній и социальнаго порядка, при которыхъ эксплуатація естественныхъ богатствъ страны стала бы болѣе продуктивной.

Порядокъ прежде всего! — Поэтому они были противъ безконтрольнаго шахскаго правленія; но поэтому же они съ опасеніемъ относились и къ пробужденію народныхъ массъ. Однако конституціонная борьба съ демократами оказалась для нихъ не подъ силу и при всѣхъ выборахъ въ меджлисъ большинство высказалось за первыхъ. Напрасно конституціоналисты соединялись со своими вчерашними врагами-реакціо-

нерами: „внутри страны сила была на сторонѣ демократовъ и вотъ, что бы не потерять своего привилегированнаго экономического и социальнаго положенія, пришлось опять таки искать поддержки извнѣ. Гдѣ же искать ее противъ демократіи, какъ не въ оффиціальной Россіи? Къ тому же русское правительство, быть можетъ подъ влияніемъ благоприятныхъ опытовъ съ Думой третьяго іюня, отказалось отъ мысли непремѣнно возстановить въ Персіи неограниченную монархію и готово было примириться съ умѣренно-конституціоннымъ режимомъ. Почва для соглашенія между консервативными элементами персидскихъ конституціоналистовъ и русскимъ правительствомъ была найдена!

Война смѣшала всѣ карты. Россія не сочла нужнымъ считаться съ персидскимъ нейтралитетомъ и повела наступленіе на Ванъ со стороны Азербейджана. Турція также не преминула нарушить нейтралитетъ Персіи, вошла въ пограничные области и, такимъ образомъ, весь сѣверо-западъ имперіи шахинъ-шаха (царя-царей!) былъ обращенъ въ театръ военныхъ дѣйствій. Вначалѣ исходъ борьбы былъ сомнителенъ, и персидскіе демократы, враги русскаго влиянія, снова взяли верхъ. Для нихъ русская побѣда неизбежно должна была привести и русское господство, а тамъ — и конецъ независимости Персіи; вотъ почему всѣ свои чаянія, всѣ свои надежды они возлагали на успѣхи германо-турокъ.

Однако персидское правительство не вышло изъ нейтралитета и не стало на сторону турокъ; но крайніе національ-демократическіе элементы, съ Эмиръ Кашметомъ во главѣ, взяли за оружіе и пытались, по мѣрѣ силъ, сопротивляться русской оккупации. Силы ихъ оказались не велики и были безъ труда сломлены русскими войсками, только что одержавшими рядъ рѣшительныхъ побѣдъ въ турецкой Арменіи.

Почти немедленно за этимъ демократическое министерство Музаферъ уль Мулька принуждено было подать въ отставку и уступить мѣсто сначала руссофилу принцу Ферманъ Фермѣ, а затѣмъ и самому Саларъ-Сенахъ-Ассаду. При такихъ условіяхъ занять ту часть Ирана, которая представлялась Россіи соглашеніемъ 1907 г., оказалось весьма не труднымъ, а съ занятіемъ ея фактически былъ положенъ конецъ политической независимости большой страны, съ огромнымъ историческимъ прошлымъ, достигавшей, по временамъ, высокаго развитія своей культуры. Таковъ результатъ войны для Персіи.

Саркисъ

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Бѣдные г. г. Гвоздечки и ихъ апологеты! Такъ и не допросили они до Штюрмерскаго „довѣрія“ за которымъ послали къ нему своего представителя (см. „О. Ж.“ № 7). Придется теперь имъ оставаться на вѣки недорослями!

Если еще не разгромлены военно-промыш. комитеты, то судьба рабочаго представительства въ нихъ уже окончательно рѣшена, гораздо раньше, нежели мы этого ожидали.

* * *

Газеты принесли намъ вѣсть, что на совѣщаніи высшихъ чиновъ министерства внутр. дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ Штюрмера, рѣшено „принять мѣры къ исключенію рабочихъ группъ изъ среды воен.-промыш. комитетовъ“. Это исключеніе мотивируется тѣмъ, что правительство „считаетъ своею обязанностью бороться съ обнаружившейся *зловредной дѣ-*

ятельностью рабочаго представительства въ комитетахъ“ (Курсивъ всюду нашъ Цитируемъ по № 107 „Русск Вѣд.“).

Разумѣется, всѣ эти обвиненія базируются на докладѣ департамента полиціи о „политической неблагонадежности рабочихъ делегатовъ, входящихъ въ составъ воен.-промыш комитетовъ“ а также о „соціалистическомъ движеніи въ Россіи и заграничій въ связи съ дѣятельностью воен.-пром. комитетовъ“.

Мы считаемъ совершенно излишнимъ говорить о какой бы то нибыло цѣнности документовъ, исходящихъ изъ нѣдръ російскаго застѣнка и не ихъ большая или меньшая степень правдоподобности насъ въ данный моментъ интересуютъ.

По словамъ доклада „заграничные социалистич. конгрессы подали мысль русскимъ *подпольнымъ социалистамъ* использовать в.-пр., комитеты въ цѣляхъ организациі заглохшаго было въ Россіи революціоннаго движенія. Передъ выборами въ комитеты была организована обширная подпольная пропаганда... На рабочія собранія подъ видомъ рабочихъ проникали партійные социалисты, въ результатъ чего почти всѣ (sic!) избранные делегаты отъ рабочихъ оказались принадлежащими къ теченію скрытыхъ пораженцевъ“.

* * *

Таковы основные признаки „зловредной дѣятельности“ рабочаго представительства въ комитетахъ, изъ которыхъ правительство и рѣшило рабочихъ изъять.

Не мы это представительство защищали въ эпоху его созиданія, не намъ его отстаивать въ моментъ его разгрома. Логика вещей къ этому обязываетъ тѣхъ *надпольныхъ* социалистовъ, тѣхъ авторовъ „манифеста къ сознательному Трудовому населенію Россіи“, которые призывали рабочихъ итти „бокъ о бокъ съ царизмомъ“, и забыть на время войны свои классовые интересы.

* * *

Департаментъ полиціи разумѣется предвидитъ защиту комитетовъ именно съ этой стороны. Послѣ того какъ вся либеральная печать Россіи стараясь убѣдить и себя и общество, и правительство, что институтъ комитетскаго рабочаго представительства — лояльнѣйшее изъ лояльныхъ учрежденій, что сами рабочіе „пай-мальчики“, что они дѣйствуютъ съ благословенія самого Плеханова, обращеніе къ рабочимъ котораго въ свое время сообщило въ Россію оффиціальное телеграфное агентство—департаментъ полиціи дѣлаетъ отводъ послѣднему социаль-патріотическому патенту благонаимѣренности, утверждая, что „то движеніе, представителемъ котораго является Плехановъ, по даннымъ департамента полиціи, не встрѣчало большого сочувствія въ рабочихъ кругахъ; зато все большимъ успѣхомъ стало пользоваться другое теченіе“ т. е. циммервальдское.

Во истину, большей свиньи нельзя было подложить социаль-патріотамъ послѣ ихъ пресловутаго заявленія о томъ, на чьей сторонѣ „большинство сознательнаго пролетаріата Россіи“.

* * *

Впрочемъ, чѣмъ „даннымъ“ — Алексинскаго или Деп. Полиціи — давать больше вѣры, судить не беремся, ибо чтобы разбраться въ этомъ пришлось бы надѣть галоши и противогазную маску...

Насъ интересуютъ другое.

Чѣмъ мотивируетъ русское правительство свой рѣзкій переходъ отъ „обороны къ нападенію“, на сей разъ на „врага внутренняго“?

Къ чему понадобился ему *открытый* походъ противъ общественныхъ организацій?

Вѣдь застарѣлая идіосинкразія бюрократіи къ новѣйшимъ проявленіямъ общественной самодѣятельности — старый и всѣмъ извѣстный недугъ. Стоитъ припомнить столь недолговѣчную исторію воен.-промышл. комитетовъ, напр., чтобы встрѣтить безъ удивленія предполагающееся, по словамъ „Русск. Вѣд.“ „особое правительственное сообщеніе, разъясняющее обществу необходимость этой мѣры“, т. е. разгрома комитетовъ

* * *

Выше мы упоминали объ „обнаружившейся зловредной дѣятельности“ рабочихъ аъ воен.-пром. комитетахъ, *обнаружилась* же эта дѣятельность въ окончателной формѣ, надо полагать, на совѣщаніи съѣзда губернаторовъ подъ предсѣдательствомъ все того-же Шгюрмера, гдѣ было удѣлено особое вниманіе, по словамъ газетъ, всеувеличивающемуся „росту рабочаго движенія“, — повидимому, не столь ужъ патристическаго, ибо по смыслу, доклада, противъ — „движенія, представителемъ котораго является Плехановъ“ его авторы ничего бы не имѣли

Въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ рептильной печати мы находимъ и другіе мотивы.

„Какъ мы освѣдомились, — сообщаетъ „Нов. Время“ —

Главнѣйшей задачей происходящихъ совѣщаній является выработка мѣропріятій, которыя обезпечивали бы возможность для земскаго и городского союзовъ, а также для военно-промышленныхъ комитетовъ плодотворной работы, соотвѣтствующей настоятельнѣйшимъ государственнымъ нуждамъ текущаго времени“...

Такимъ образомъ, до сихъ поръ упомянутыя общественныя организаціи никакой плодотворной работы не производили, а если и производили, то это „не соответствовало настоятельнѣйшимъ государственнымъ нуждамъ“.

Въ чемъ-же сн послѣднія заключаются?

По свѣдѣніямъ „Бирж. Вѣд.“

„Главное вниманіе было обращено на разработку тѣхъ мѣръ, которыя согласовали бы дѣятельность военно-промышленныхъ комитетовъ, земскаго и городского союзовъ и другихъ возникшихъ съ войной общественныхъ организацій съ дѣятельностью правительственныхъ учреждений и придали бы работѣ этихъ полезныхъ общественныхъ организацій направленіе, *отвѣчающее видамъ правительства“*.

И такъ „государственные труды“ и „виды правительства“ въ сознаніи бюрократической власти — синонимы.

А посему все, въ чемъ за время войны проявилась общественная самодѣятельность на пользу арміи и страдающему отъ войны населенію — вреднози подлежатъ упраздненію, ибо „не отвѣчаетъ видамъ правительства“.

А каковы эти „виды“... дѣлаютъ видъ, что не видятъ только г. г. *надпольные* социалисты Плехановскаго толка.

Да будетъ же трижды стыдно тѣмъ изъ нихъ, которые не потеряли еще чувства гражданскаго стыда!...

Скептикъ

Въ редакцію „Откликовъ Жизни“.

(Письмо волонтера).

Хотѣлось бы подѣлиться съ вами мыслями, вызванными статьей Г. Алексинскаго «Первое мая въ № 31 «Призыва»». Кто до войны воодушевлялся идеями социализма, тотъ знаетъ, сколько свѣтлаго и радостнаго будиль въ душѣ рабочаго день 1-го мая, праздникъ Интернаціонала. Этотъ день протеста противъ капиталистическаго строя вызывалъ въ сердцахъ рабочихъ и работницъ чувства международнаго братства, онъ, какъ оживляющая весна, зажигалъ въ нихъ надежду, предвидѣніе великаго, далекаго будущаго.

Прошли былыя времена воодушевленія, но не прошли надежды! Не забыты свѣтлыя идеи великаго всемірнаго

союза рабочихъ. Не забыто и 1-е мая, — оно лишь какъ звѣзда въ небѣ затемнилось проходящими черными тучами. Пройдутъ тучи, — и звѣзда вновь засіяетъ, вновь загорится и заблеститъ надъ міромъ свѣтлая идея братства трудящихся.

Но пусть не примѣшиваютъ къ ней того, что чуждо ей, что является отрицаніемъ ея сущности, — какъ это дѣлаетъ Г. Алексинскій въ № 31 «Призыва». 1-е мая, какъ символъ единенія трудящихся, и—«Vive le son du canon!» Какъ это крикливо и дико звучитъ. Человѣческая кровь и куски человѣческаго тѣла, — раны и гримасы умирающихъ и страдающихъ, — что общаго между этимъ кошмаромъ и радостнымъ днемъ надежды?

Но эти возгласы не заставятъ рабочихъ забыть, что въ мірѣ капитализма все держится на правѣ сильнаго и что ни одно изъ воюющихъ государствъ не чисто отъ насилія надъ другими, болѣе слабыми народами. Социалистамъ должно быть ясно, что терминъ «оборона» и «нападеніе», — это лишь условные внѣшніе моменты, которыми отнюдь не опредѣляется сущность современныхъ войнъ, въ которыя, волей правящихъ, вовлекаются народныя массы.

1-е мая нашло свой откликъ и теперь среди этого кроваваго кошмара, идеѣ его остались вѣрны и «обороняющіеся» и «нападающіе». Искра грядущаго не угасла въ сердцахъ *невольныхъ* убійцъ. Да, невольныхъ, несчастныхъ, обманутыхъ, вовлеченныхъ въ войну! Всѣ они, эти труженники, жившіе спокойно и мирно вдругъ оказались брошенными другъ на друга. Но они — братья, они знаютъ, чувствуютъ это — въ промежутки боя, въ минуты просвѣтлѣнія. И тогда они понимаютъ, кто ихъ *общій*, кто ихъ *настоящій* врагъ.

Не смѣшивайте же праздникъ 1-го мая съ войной. Не затемняйте свѣтлаго дня мрачными отзвуками современности.

Вмѣсто вашего «Vive le son du canon» рабочій социалистъ говоритъ:

Да здравствуетъ 1-е мая!

Да здравствуетъ братство народовъ!

Г. Т — Фъ.

Нами получено отъ т. Апаратскаго, автора статей „Національное самоопредѣленіе и защита отечества“, слѣдующее „Письмо къ г. Цензору“:

Милостивый Государь,

господинъ цензоръ!

Позволяю себѣ надѣяться, что письмо мое, *какъ совершенно лояльное*, никакихъ военныхъ тайнъ, не оглашающее и никому изъ „союзниковъ“ не вредящее, будетъ допущено къ напечатанію на страницахъ „Откликовъ Жизни“. И надежда моя основывается на слѣдующихъ элементарныхъ, обязательныхъ для всякаго человѣка, соображеніяхъ:

Права и прерогативы цензора для насъ, пишущей братіи, — своего рода „предѣлъ его же не преидеши“: хочешь — не хочешь, а подчиняйся. Но есть права — пусть ничтожныя, сведенныя къ возможному *minimum*’у, но все же права — и у писателей. Къ числу такихъ правъ относится несомнѣнно и право автора желать, чтобы мысли его не превращались „въ свою противоположность“, ибо въ тысячу разъ предпочтительнѣе совсѣмъ не видѣть этихъ „мыслей“ въ печати, чѣмъ увидѣть совсѣмъ *не* то, что „мыслишь“.

Вотъ, напримѣръ, какъ мысляю я о позиціи, занятой сейчасъ социаль-патриотами различныхъ странъ:

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

— — —
И. А. Крпоткинъ о войнѣ.

Съ послѣсловіемъ Вл. Л. Бурцева. Москва. 1916.

Данная брошюра является простой перепечаткой двухъ писемъ П. А. Крпоткина, помѣщенныхъ впервые въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (7 сент. и 6 окт. 1914 г.). Письма эти въ свое время были замѣчены и цитировались безконечное число разъ; такимъ образомъ, взгляды П. А. Крпоткина на современную войну общеизвѣстны. Пожалуй можно признать цѣлесообразнымъ и переизданіе этихъ писемъ, въ качествѣ *человѣческаго документа*, поскольку самъ П. А. Крпоткинъ является значительной фигурой прошлаго.

Но было-бы ошибкой видѣть въ нихъ изложеніе анархическаго отношенія въ войнѣ. П. А. Крпоткинъ — одинокъ и въ своихъ письмахъ излагаетъ только свою субъективную точку зрѣнія, съ которой бывшіе единомышленники его не имѣютъ ничего общаго.

За то она вполне удовлетворила В. Л. Бурцева. «Мы очень благодарны, — пишетъ онъ въ своемъ послѣсловіи, — П. А. Крпоткину за то, что онъ согласился на нашу просьбу и далъ намъ разрѣшеніе на переизданіе его статей о войнѣ. Онъ нуженъ и сейчасъ для всѣхъ, кто только болѣетъ душой по поводу того, что переживаетъ теперь весь миръ и въ частности наша родина, и кто ищетъ отвѣта на вопросъ, что дѣлать всѣмъ намъ въ данный ужасный моментъ». (стр. 28).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что В. Л. Бурцевъ, принимая «точку зрѣнія» П. А. Крпоткина, старается нѣсколько исправить ее, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами. Онъ пишетъ: «Для П. А. Крпоткина война ведется, конечно, не противъ нѣмецкаго народа, а противъ нѣмецкаго правительства и всѣхъ, кто съ нимъ, какъ въ Германіи, такъ и внѣ ея». (стр. 28).

Какъ извѣстно, самъ П. А. Крпоткинъ высказался объ этомъ нѣсколько иначе.

Въ первомъ своемъ письмѣ, характеризуя завоевательныя дѣла Германіи, онъ писалъ: «Къ этимъ цѣлямъ направлена была вся жизнь Германской имперіи. Этими завоеваніями бредятъ въ Германіи милліоны какъ буржуа, такъ и рабочіе». (стр. 8).

И дальше:

«Свобода народностей? Идеалы мира? Прогрессъ? Ничего этого нѣтъ на знамени Германской имперіи. Оно обѣщаетъ *только* войну, оно — залогъ новыхъ войнъ. Покореніе вольныхъ націй...» (стр. 10).

Итакъ: съ одной стороны — «бредятъ», съ другой — ничего у нихъ нѣтъ: ни свободы, ни прогресса... Спрашивается: какъ-же ихъ не бить, пока не отучатся «бредить» и не научатся «свободѣ» и «прогрессу»?

Право, кажется, поправка В. Л. Бурцева идетъ въ разрѣзъ съ точкой зрѣнія П. А. Крпоткина.

ЛѢВЫЙ

Х Р О Н И К А

Факты и событія жизни въ тылу неизмѣнно рисуютъ все одну и ту же картину, — усиленіе реакціи въ правящихъ сферахъ.

Въ Россіи начался походъ противъ Военно-промышл. комитетовъ, М-во Внутр. дѣлъ предполагаетъ запретить созывъ не только съѣздовъ различныхъ обществен. организацій, но и всякаго рода частныхъ собраній и собесѣдованій (Р. Сл.)

Такъ „мысли“ я — худо ли, хорошо ли, не въ этомъ сейчасъ дѣло, но именно такъ, а вовсе не такъ, какъ это „отпечаталось“ въ концѣ моей послѣдней статьи, — гдѣ вы найдете фразу объ оборонительной тактикѣ социаль-патріотовъ Австро-Германіи, гдѣ не осталось ни слова объ „освобоительныхъ“ тенденціяхъ социаль-патріотовъ согласія и гдѣ на бѣломъ полѣ, красуется нижеслѣдующій довольно таки тенденціозный фрагментъ: „стараятся доказать... чѣ... тевтонскій милитаризмъ... можно одолѣть только изнутри, соединенными силами „тыла“ всѣхъ странъ“.

Я защищаю свое элементарное право „мыслить“ такъ и только такъ, какъ „мыслилось“ мнѣ въ рукописи, и обращаюсь къ Вамъ, Господинъ цензоръ, съ просьбой посодѣйствовать возстановленію моего „добраго имени“.

Съ почтеніемъ Арапатскій

ДѢЛО Н. И. РАКИТНИКОВА

Въ виду появившейся въ „Рус. Сл.“ замѣтки о дѣлѣ литератора Ракитникова, полной нелѣпаго вздора, искажающаго характеръ этого дѣла, насъ просятъ сообщить слѣдующее.

5-го мая въ Петроградской судебной палатѣ слушалось дѣло Н. И. Ракитникова, обвинявшагося за напечатаніе въ одномъ изъ номеровъ газеты „Сѣв. Мысль“ статьи о побѣдѣ Брешко-Брешковской. Во время привлеченія его къ суду онъ находился за-границей, куда былъ высланъ въ 1907 г. по дѣлу о газетѣ „Мысль“. Въ декабрѣ 1915 года, Ракитниковъ, пользуясь своимъ заграничнымъ паспортомъ, вернулся въ Россію, но на границѣ былъ арестованъ и привлеченъ къ судебной отвѣтственности по 129 ст. уг. ул. Выпущенный спустя три недѣли за поручительствомъ адвоката Елисѣева (подъ залогъ въ 1000 рублей), онъ былъ арестованъ снова, — на этотъ разъ по ордеру охраннаго отдѣленія. Во время тюремнаго заключенія ему было предъявлено еще новое дѣло, тоже литературнаго характера, за которое его отдали подъ гласный надзоръ. Но выпущенный подъ залогъ по одному дѣлу и отданный подъ гласный надзоръ по другому, онъ продолжалъ все-же сидѣть въ тюрьмѣ. Состоявшійся 5-го мая судъ приговорилъ его „къ 3-мъ мѣсяцамъ тюрьмы съ зачетомъ наказанія и постановилъ освободить изъ подъ стражи“. („Рѣчь“).

Состоялось-ли дѣйствительно это освобожденіе пока неизвѣстно. мы знаемъ, что близкіе къ Ракитникову люди имѣли послѣ суда надъ нимъ телеграмму отъ его адвоката, въ которомъ говорится лишь о томъ, что онъ оправданъ, (acquitté). Но оправданный судомъ все-же можетъ при російскихъ порядкахъ, не избѣгнуть кары административной.

— Въ началѣ мая, въ сенатъ поступило по кассационной жалобѣ и протесту прокурора дѣло четырехъ саратовскихъ рабочихъ, преданныхъ суду по 102 ст. уг. ул. Они обвинялись въ принадлежности къ П. С.-Р. Саратовская Суд. Палата ихъ оправдала по этому дѣлу, но признала виновными по 132 ст. уг. ул. — за храненіе нелегальной литературы, въ числѣ которой имѣлся журналъ „Знамя Восточія“ Сенатъ утвердилъ приговоръ.

— Въ московской Судебной Палатѣ слушалось дѣло двухъ членовъ Польской П.-С. Одинъ приговоренъ къ ссылкѣ, другой оправданъ.

— Въ той же палатѣ началось слушаніемъ дѣло 12-ти членовъ „Бунда“. Дѣло слушается при закрытыхъ дверяхъ.

— Въ той же палатѣ закончилось дѣло о принадлежности къ социалистической Партии Польши и Литвы. Четверо проговорены къ ссылкѣ на поселеніе, двое къ заключенію въ крѣпости на два года, одинъ — на годъ и двое оправданы.

— Тамъ же слушалось дѣло о безпорядкахъ на Хитровомъ Рынкѣ, происшедшихъ 15 ав. 1915 г. Одинъ оправданъ, 3 — приговорены къ одному году тюрьмы, 2 — къ 8 мѣс. тюрьмы, 2 къ 3 мѣс.

— Тамъ же началось слушаніемъ дѣло Езіора, обвиняющагося по 102 ст. уг. ул. (принадлежность къ П. П.-С.) Дѣло вновь отложено, хотя Езіоръ находится въ предварительномъ заключеніи 5 лѣтъ и 4 мѣс.

— Въ Киевѣ казненъ за разбой кр. Тихоненко.

— Въ Красноярскѣ и Енисейскѣ повальные обыски и аресты. Арестованы члены мѣстнаго потребительскаго общества. Быв. члены Гос. Думы — Ф. Самойловъ и А. Вадѣвъ — подверглись обыску. Отобрана частная пер. писка.

— Въ московской суд. Палатѣ слушалось дѣло группы литвинъ, арестованныхъ въ январѣ 1914 г. и обвиненныхъ по 1545 ст., по 103 ст. и 73 ст. Судъ приговорилъ ихъ къ тюремному заключенію отъ 3 до 6 мѣс.

— „Русскому Слову“ сообщаютъ, что крестьяне с. Липовки Сар. губ. буквально являются крѣпостными уѣзднаго предводителя дворянства, помѣщика Фонъ-Гардена (виднаго сарат. черносотенца) Крестьянамъ — приходится прогонять свой скотъ черезъ узкую полосу помѣщичьей земли. За это они платятъ помѣщику натурой: обрабатываютъ ему 100 дес. пашни, возятъ хлѣбъ, а зимой унавоживаютъ поля.

— Состоялось совѣщаніе въ покояхъ петроградскаго митрополита, на которомъ обсуждался вопросъ о предстоящемъ открытіи въ Тобольскѣ мощей святителя Іоанна Тобольскаго. Присутствовалъ предсѣдатель Совѣта министровъ — Штюрмеръ.

— Николай II совершаетъ объѣздъ Россіи и „осчастлививаетъ“ своимъ посѣщеніемъ города.

— Приостановленъ за вредное направленіе на время введеннаго въ Москвѣ военнаго положенія журналъ: „Вѣстникъ Студенческой Кооперациі“.

— Приостановленъ такъ же журналъ „Божья Коровка“.

Собственный корреспондентъ „l'Humanité“ въ № 4412 сообщаетъ изъ Тяньзиня о китайской революціи, между прочимъ рассказываетъ, что Юанъ-Шикай въ поискахъ за деньгами, нужными ему на уплату жалованія своимъ солдатамъ пытался сдѣлать заемъ въ одномъ американскомъ банкѣ, „но

— перевозу дословно — этотъ прозектъ встрѣтилъ препятствіе со стороны англійскаго, французскаго и немецкаго (курсивъ всюду мой) банковъ, которые еще дѣйствуютъ вмѣстѣ, и хотѣли бы сохранить за собою монополию займовъ“.

Далѣе. Повѣствуя о попыткѣ диктатора прибѣгнуть къ посредничеству Япсіи въ переговорахъ съ возставшими, корреспондентъ замѣчаетъ, что „этотъ, впрочемъ запоздалый, маневръ вызвалъ недовольство въ (банковскихъ) группахъ англичанъ и французовъ, которыя враждебны Японіи“.

Увы! Старая французская поговорка: „Les affaires sont les affaires“ остается и понынѣ въ силѣ. Въ Китаѣ происходитъ массовое братоубійство, а банкирамъ — доходная статья, ибо имъ въ „высокой степени наплевать“ на китайское братоубійство... —

Да и только-ли на китайское?..

Курьезнѣе всего то, что корреспондентъ „Journal Socialiste“ повѣствуетъ объ этомъ какъ-то полусознательно, а редакція упустила случай помѣстить эту повѣсть въ отдѣлѣ газеты подъ заголовкомъ: „Les faits qui parlent“.

Такъ-ли бы это было по нынѣшнимъ временамъ, если-бы дѣло шло не о банковскихъ, а... иныхъ прочихъ группахъ, „которыя еще дѣйствуютъ вмѣстѣ“ съ нѣмецкими, но не въ интересахъ наживы...

Итальянскія газеты опубликовали текстъ манифеста, въ распространеніи котораго 1-го мая обвиненъ Либкнехтъ.

Въ манифестѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: Труженники, сотоварищи и вы, женщины народа, не допускайте чтобы второй во время войны день перваго мая прошелъ безъ манифестаціи протеста противъ империалистической рѣзни. Пусть перваго мая тысяча голосовъ воскликнутъ: „Долой позорное преступленіе уничтожающее народы! Долой тѣхъ, кто является ответственнымъ за него!“ Ни англійскій, русскій или французскій народъ является нашимъ врагомъ, но лишь крупные нѣмецкіе владѣльцы рентъ, нѣмецкіе капиталисты и ихъ исполнительный комитетъ (l'Humanité)

Въ Англии въ Палатѣ Общинъ поднимается вопросъ о мѣрахъ по отношенію къ подлежащимъ мобилизаціи подданными союзныхъ странъ и ведутся переговоры съ союзными правительствами о позволеніи ихъ подданнымъ вступать въ англійскую армію.

Въ отдаленной Нов. Зеландіи Паламентъ принимаетъ прозектъ закона о всеобщ. обязательной военной службѣ.

Насъ просятъ сообщить, что три представителя интернаціоналистовъ соц. револ. на Кинтальской конференціи, — Бобровъ, Власовъ и Савельевъ были по мандатамъ, полученнымъ отъ російскихъ организацій П. С. Р.

Просимъ лицъ, желающихъ получить „Отклики жизни“, поспѣшить съ присылкой подписной платы (1 фр. за 4 мѣс.) по адресу: Redaction du journal „Echo de la Vie“, 19, rue Daguerre, Paris XIV.

Le Gérant: **Hambourg.**

Imprimerie Russe, 19, rue Daguerre